

Из-за «тяжёлой болезни» Линь Цзиня в том году на день рождения не приглашали посторонних — собралась только семья. Кроме того, Сун Сяоси и Цэнь Цзибай, вернувшийся из Великой академии, заглянули в усадьбу Линь проведать его.

Линь Цзинь ждал, когда Цэнь Цзибай придёт пораньше, но, увидев его, занервничал. На этот раз Цэнь Цзибай не принёс ничего ценного — только скворца-пересмешника. Он сказал: «С днём рождения», — и птица тут же повторила: «Третий брат, с днём рождения». Госпожа Линь покатила со смеху.

Линь Цзинь знал: Цэнь Цзибай боялся, что ему будет скучно. Но разве он дошёл до того, чтобы развлекаться со скворцом? И как вышло, что теперь его «третьим братом» зовёт даже птица? Он взял клетку, ткнул пальцем в голову скворца и тихо сказал: «Дурак». Скворец тут же повторил.

Но Линь Цзиню это не понравилось. Дураком он называл Цэнь Цзибая только в шутку. Птица не смеет! Он строго приказал скворцу:

— Не повторяй за мной.

— Не повторяй за мной, — повторил скворец. Он лишь подражал звукам, не понимая смысла. Что бы ни сказал хозяин, он повторял. И все наблюдали, как Линь Цзинь всерьёз ссорится с птицей... Госпожа Линь, обняв одной рукой Сун Сяоси, а другой — Линь Сюня, смеялась до слёз. Даже обычно суровый великий генерал Линь позволил себе улыбнуться.

Цэнь Цзибай и представить не мог, что Линь Цзинь сочтёт его подарок «дурацким». Но, видя, как рады все в доме Линь, он и сам почувствовал теплоту.

Он когда-то поклялся защищать Линь Цзиня и уберечь род Линь. По крайней мере, в случае со вторым братом Линь он своё слово сдержал. Но госпожа Чжоу отравила Линь Цзиня, едва не погубив его... Цэнь Цзибай закрыл глаза, подавляя ярость.

Линь Цзинь, всё ещё споря со скворцом, обернулся и увидел Цэнь Цзибая, стоящего в стороне. Тот был близко, но казалось, будто между ними — горы, реки и целые эпохи. Цэнь Цзибай здесь был лишь тенью, а настоящий человек пребывал где-то в ином месте.

В груди Линь Цзиня кольнуло. Лишь когда он подошёл и ухватил Цэнь Цзибая за руку, а тот, очнувшись, улыбнулся ему, чувство отчуждения исчезло.

Пока он здесь, Цэнь Цзибай не будет одинок.

Шангуань Мяо родила в разгар лета — как и в памяти Цэнь Цзибая, на свет появился маленький принц. А госпожа Чжоу, чья беременность становилась всё тяжелее, к сентябрю уже была на сносях.

Сун Чжияо читал сочинение Сун Сяоси, неодобрительно качая головой. Увидев, что Цэнь Цзибай с безмятежным видом дразнит карпов в фарфоровой чаше, он не мог понять, о чём думает этот юный принц.

— Ты и впрямь невозмутим, — заметил он.

В сентябре уже похолодало. Сун Чжияо, всегда слабый здоровьем, выпросил у правителя Ся разрешение заранее затопить печь в своих покоях. В комнате было душно, и Цэнь Цзибай снял плащ, но не осмелился расстегнуть верхнюю одежду — урок Цэнь Цюэхэ был памятен, и нужно

было избегать лишних толков. Правитель Ся всё же навещал Сун Чжияо раз в десять дней.

Цэнь Цзибай, забавляясь с карпами, спросил:

— А вы как полагаете, учитель?

На лице его всё ещё играла детская наивность. Сун Чжияо, сравнивая с сочинением Сун Сяоси, снова покачал головой. Но он не желал, чтобы Сун Сяоси в таком возрасте перенимал хитроумие Цэнь Цзибая. Тот выглядел ребёнком, но Сун Чжияо никогда не считал его таковым.

— Когда Сусинь покинет дворец?

— Завтра, — ответил Цэнь Цзибай, отбрасывая сачок и вытирая руки. — Жаль, вы не увидите представления.

Сун Чжияо, заточенный во дворце, и впрямь не прочь был бы зрелищ, но завтрашнее шоу лучше было пропустить.

Сусинь в последнее время часто видела во сне отца и захотела сходить в Храм Чистого Ветра, чтобы возжечь благовоние за его здравие.

До родов госпожи Чжоу оставалось полмесяца, беременность протекала хорошо — не в последнюю очередь благодаря постоянным снадобьям Сусинь. Та не хотела отпускать её, но раз за девушкой присмотрят люди из Чертога Цзиншу, да и Сусинь всегда была надёжна, а уйдёт она всего на день, к вечеру вернётся...

Госпожа Чжоу не устояла перед её мольбами и, не желая портить отношения в такой момент, в конце концов разрешила.

Вскоре после отъезда Сусинь госпожа Чжоу почувствовала лёгкую боль в животе. Такого раньше не бывало. Она тотчас велела вернуть Сусинь, но через несколько минут лёгкая боль превратилась в нестерпимую.

Сусинь не успели вернуть, однако другие врачи, осмотрев её, объявили, что начались роды, и стали готовиться. Госпожа Чжоу, измученная болью, уже ни о чём не могла думать, только требовала вернуть Сусинь.

Врачам тоже было не по себе: до срока ещё далеко, внешних причин нет, откуда же схватки? Но размышлять было некогда. Акушерки приготовили горячую воду и полотенца, удалили посторонних и ждали появления ребёнка.

Однако, несмотря на непрекращающуюся боль, дитя не появлялось — выходило, что роды будут трудными.

Акушерки испробовали все средства, но тщетно. Врачи за дверью лишь переглядывались, не зная, что делать. Госпожа Чжоу, так и не дождавшись Сусинь, начала бояться. Сусинь привёл во дворец Цэнь Цзибай — как она могла быть столь глупа, чтобы поверить, будто он принесёт ей удачу? Нет, она была полной дурой! Едва родив, она тут же прикончит Цэнь Цзибая, как когда-то госпожу Цинь! Цэнь Цзибай был проклятием, оставленным ей той.

Но как он заподозрил? Как решил навредить... Он...он знал он знал, что это она убила госпожу Цинь? Кто сказал ему... Да, конечно, Сун Чжияо. Цэнь Цзибай часто виделся с ним из-за Сун Сяоси.

Сун Чжияо, этот подлый, лицемерный мужлан...

Госпожа Чжоу, измученная болью, не могла вымолвить слова, сознание мутилось. Акушерки говорили о трудных родах, трудных... Госпожа Цинь тоже умерла от трудных родов. Госпожа Цинь... Это её призрак пришёл за ней. Госпожа Цинь...

— Госпожа, — акушерка, стоя на коленях, пролепетала в ужасе, — дитя, кажется, не спасти...
— Простыни были залиты багрянцем, и кровь продолжала сочиться.

— Кровотечение... — В панике акушерка бросилась к ней. В покоях поднялась суматоха, но никто ничего не мог поделать.

Для здоровья госпожи Чжоу было невозможно так скоро восстановиться и выносить дитя.

Сусинь применяла сильнодействующие средства, чтобы заставить её забеременеть, и после госпожа Чжоу постоянно принимала снадобья, чтобы сохранить плод. На деле же все эти яды уже изуродовали ребёнка. Сусинь куда лучше разбиралась в отравлениях, нежели в лечении.

Она оставила госпоже Чжоу немного жизни — чтобы та перед смертью увидела своё чудовищное чадо. Сусинь говорила, что будет мальчик, хотя на ранних сроках и не могла определить пол — просто сказала то, что та хотела услышать. Когда младенец появился на свет, оказалось, что это и вправду мальчик, но он уже был мёртв.

Дитя было уродливо, с синебагровыми пятнами. Госпожа Чжоу, увидев это, вытаращила глаза — и последний вздох покинул её.

Цэнь Цзибай простоял на коленях у покоев целые сутки, слыша суматоху внутри, а спустя время принялся тихо плакать, призывая мать.

Оплакивать госпожу Чжоу он не мог. Но, вспоминая Линь Цзиня из прошлой жизни, слёзы текли сами. В той жизни он не плакал над Линь Цзинем. Принёс его окровавленное тело в покои и, словно истукан, не мог вымолвить ни слова. Держал Линь Цзиня на руках день и ночь, пока придворные не уговорили его поскорее устроить похороны.

Линь Цзинь был низложенной королевой — его нельзя было похоронить с подобающими почестями или рядом с Цэнь Цзибаем. По дворцовому уставу, его должны были упокоить в дальнем уголке царской усыпальницы, вместе с прочими забытыми наложницами и слугами. Цэнь Цзибай, разумеется, не собирался следовать уставу. Он хотел похоронить Линь Цзиня в своей гробнице, но обещал передать останки Линь Сюню.

Поэтому он поместил Линь Цзиня в ледяной саркофаг в ожидании, когда Линь Сюнь вернётся, чтобы совершить погребение.

<http://bllate.org/book/15933/1424048>